

В.А. Болдин, О.Е. Сорокопудова

**«РУССКИЙ» И «РОССИЙСКИЙ» КАК КАТЕГОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹**

***Аннотация.** В статье исследуется проблема исторического сосуществования категорий «русский» и «российский». Основной интерес направлен на анализ времени, условий и причин вхождения категории «российский» в широкий интеллектуальный дискурс. Обзор исторической литературы и источников показывает, что несмотря на длительную историю существования обеих категорий, наибольшее распространение в древнерусской традиции имело слово «русский». Начиная с XVI в. и вплоть до XIX в. «русский» и «российский» были почти полными синонимами, различаясь лишь контекстами употребления. Определенный перелом в соотношении указанных категорий начинается фиксироваться в XVI в., а усиливается в XVII в., что может объясняться трансформацией самоощущения российского государства, языка и визуальных образов власти, связанных с формированием «идеал-образа» «Вселенского православного царства». Лишь к началу XIX в. начинается наблюдаться некоторая семантическая «специализация» категорий – «русский» чаще характеризует «народное» измерение понятия, российский – маркирует официально-государственный дискурс. При этом о реальном противопоставлении этих понятий речи не идет, они продолжают использоваться одновременно. Противоречие между ними возникает лишь в конце XX в. вместе с дискуссией о сущности гражданственности, национальности, идентичности.*

***Ключевые слова:** Россия; Русь; русский; российский; государство; общество; власть; идеология; общественное сознание.*

Болдин Владимир Алексеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0681-098X

Web of Science Researcher ID: D-1938-2019

1. Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»).

Сорокопудова Ольга Евгеньевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); старший научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: o.srkpdv@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-4903

Web of Science Researcher ID: AAI-1554-2021

Boldin V.A., Sorokopudova O.E.
“Russkii” and “Rossiiskii” as Categories of the National Intellectual Discourse: A Conceptual Analysis

***Abstract.** The article explores the historical coexistence of the categories russkii and rossiiskii. The main focus is on analyzing the time, conditions, and reasons for the inclusion of the category russkii in broader intellectual discourse. A review of the historical literature and sources reveals that, despite the long history of both categories, the word russkii was the most widely used in the Old Russian tradition. From the 16th century until the 19th century, russkii and rossiiskii were almost synonymous, differing only in their contexts of use. A certain turning point in the relationship between these categories begins to be recorded in the 16th century and intensifies in the 17th century, which can be explained by the transformation of the Russian state’s self-perception and by changes in the language and visual imagery of power associated with the formation of the “ideal image” of the “Universal Orthodox Kingdom”. It is only by the beginning of the 19th century that a degree of semantic “specialization” of the categories becomes discernible: russkii is more often used to characterize the “popular” dimension of the concept, while rossiiskii is used to mark official state discourse. However, there is no real opposition between these concepts, and they continue to be used simultaneously. The contradiction between them only emerges in the late 20th century, in connection with discussions about the essence of citizenship, nationality, and identity.*

Keywords: Russia; Rus’; Russian; state; society; power; ideology; public consciousness.

Boldin Vladimir Alekseevich – PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, State Academic University for the Humanities; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0681-098X

Web of Science Researcher ID: D-1938-2019

Sorokopudova Olga Evgen’evna – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, State Academic University for the Humanities; Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: o.srkpdv@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-4903

Web of Science Researcher ID: AAI-1554-2021

Разговор о соотношении категорий «русский» и «российский» в современном общественном дискурсе носит не только научный, но и выраженно политический характер. Между тем как показывают исследования, в дореволюционной России столь жесткого идеологического противопоставления этих понятий не существовало: они употреблялись параллельно, а производное «россияне» имело книжно-торжественную окраску [Грищенко 2012, с. 119–139]. Явно идеологизированным соотношение этих категорий становится в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Как, хоть и не бесспорно, отмечал О.Н. Трубачев: «оба слова – россиянин и российский – наделены отчетливой идеологической, политической установкой – вытеснить, заменить слово русский. Довольно длительное время вытеснению русского, как известно, служило и великолепно использовалось советское» [Трубачев 2005, с. 234]. Можно не соглашаться полностью с приведенной позицией, но все же стоит признать ее точность относительно идеологического характера соотношения указанных категорий и его потенциальных причин.

Сразу необходимо оговориться, что данная статья не преследует цели занять ту или иную позицию в указанном споре. В данном случае интерес представляет то, *когда*, и главное *почему*, категория «российский» входит в широкий интеллектуальный дискурс, постепенно начиная существовать параллельно с традиционным «русским».

Как показывают исследования, от главного этнонима *Русь, русь* – этническое определение *русский* с неограниченным полем употребления было образовано начиная с X в. [Трубачев 2005, с. 227–228]. Например, уже в XI в. в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона страна обозначается как «Русская земля», что показывает раннюю укорененность именно этой формы самоназвания [Илларион 2011, с. 28]. Лингвистическое подтверждение этому приводит А.В. Соловьев, показывая, что при наличии греческих и латинских моделей на *-ия* в древнерусской традиции не закрепились формы «Росия» или «Русия»; а для обозначения страны употреблялась прежде всего конструкция «Русская земля» [Соловьев 1957, с. 136].

Многочисленные примеры из текстов показывают универсальность употребления слова *русский* практически до эпохи Петра I, причем как на бытовом уровне, так и на политическом (например, «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Царя русьскаго» (90-е годы XIV в.) [История 1980, с. 163; Трубачев 2005, с. 228]. Вообще же, вплоть до XV в. Московская Русь крепко держится народных форм «Русь, Русин, Русская земля», но принимает и южнославянскую форму «Русия» (особенно в титуле «господарь всея Руси») [Соловьев 1957, с. 145].

Таким образом, традиционным наименованием в нашей истории было скорее «русский», с его производными «Русская земля» в случае разговора о государстве [см. напр.: Клосс 2012, с. 3–4]. Вообще, необходимо подчеркнуть, что слово «государство» в русском политическом лексиконе возникло доволь-

но поздно, лишь в конце XV в., а окончательно закрепилось и вовсе в конце XVI–XVII вв. [Перевезенцев 2021, с. 247]. Только в XVI в. понятие «Русская земля» перестает быть синонимом понятия «государство», приобретая новый символический смысл. Особенно характерно это видно на примере первого российского исторического сочинения, отвергшего летописный принцип изложения событий, – «Степенной книги царского родословия», созданной в 1560–1563 гг., где понятие «Российское царство/государство» заменяет собой понятие «Русская земля».

Как отмечает Б. М. Клосс, «во второй половине XVI в. “Российская” терминология проникает в памятники государственного значения», а уже «в первой половине XVII в., несмотря на то, что официальные титулы царя и патриарха содержали слова «всея Руси», писатели церковного направления (Авраамий Палицын, Симон Азарьин, Семен Шаховской) больше употребляли термины «Росия», «Российское царство», «Российское государство» и т. п.» [Клосс 2012, с. 17]. Окончательная легитимизация «российского» происходит в 1654 г., когда Алексей Михайлович принимает титул царя и великого князя «всея Великия и Малыя Росии». Подобная ситуация сохранялась достаточно долго. Как пишет А. В. Теленков: «начиная с XVI в. и вплоть до революции 1917 г. русское и российское – *de facto* синонимы, но предпочтение при этом, если речь не идет о государстве, отдавалось имени русскому. Государство называлось Россией, Российским, Российской империей. В то же время его атрибуты – царь, церковь, армия, флаг и т. д. носили русское имя» [Теленков 2008, с. 328].

Таким образом, определенный перелом в соотношении указанных категорий начинает происходить в XVI в., но можем ли мы ответить на этот вопрос точнее? Для этого мы попробовали обратиться к инструментарию Национального корпуса русского языка (НКРЯ), помогающему визуализировать исследовательский запрос. На приведенном графике первая линия серого цвета – это категория «русский» и производные от нее, вторая, черного, – это категория «российский» (рис. 1).

Данные НКРЯ показывают, что с 1630-х годов относительная частота употребления категории «русский» начинает снижаться, а к середине XVII в. показатели двух рядов заметно сближаются [Национальный корпус]. Попытаемся разобраться в этой тенденции.

В истории России XVII век стал в определенном смысле переходным временем. Это предопределило, с одной стороны, динамичный характер этого столетия, а с другой – его крайнюю противоречивость. Как пишет С. В. Перевезенцев: «С одной стороны, своего завершения достигает традиционная, русская культура. С другой – в недрах традиционной культуры, а нередко и вопреки традициям зарождаются совершенно новые тенденции, во многом связанные с освоением западноевропейского культурного опыта» [Перевезенцев 2023, с. 486].

Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1000 по 2022 (?)
Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

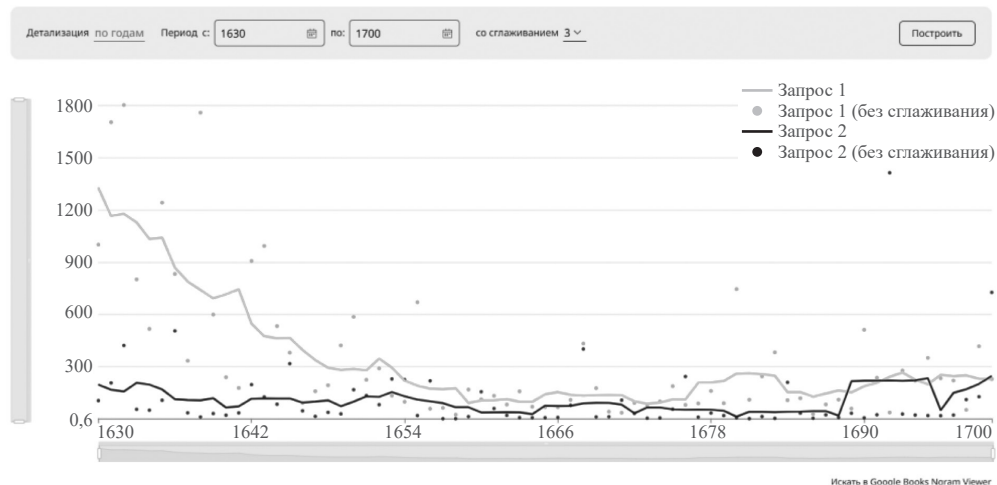

Рис. 1.

Указанные глубинные трансформации внутри российского общества, а, следовательно, и эволюция смыслов отечественной социально-политической мысли, были вызваны несколькими факторами. Одним из них стало расширение политического пространства Московского государства, сопровождавшееся притоком новых идей и переосмыслением места России в православном мире [Болдин 2020, с. 182]. Кроме того, усиление авторитета России привело к трансформации ее официальной идеологии: в русскую духовно-политическую мысль проникает новая историческая мифологема («идеал-образ») о России как «Вселенском православном царстве»², где все большее влияние приобретает идея о «константинопольском наследии» [Ливен 2007, с. 379; Сеницына 1998, с. 311]. При этом сама мифологема Вселенского православного царства возникает не в России, а «в конце XV в. у тех православных народов, которые оказались под чужеземным и иноверным владычеством» [Перевезенцев 2023, с. 487; Фонкич 2003, с. 449–459]. Главными проводниками идеи Вселенского православного царства в России были вселенские православные патриархи – константинопольский, иерусалимский, антиохийский, которые в XVII в. часто и подолгу бывали, гостили при дворе, распространяя мысль о государственном соединении православного Востока с Россией [Опарина 2006, с. 36–40; Андреев 2006, с. 216–218]. В данном контексте вспоминается то, что само название

2. При этом в отечественной науке существует позиция, согласно которой «идеал-образ» Вселенского православного царства не имеет основания в источниках XVII в. и является позднейшей историографической конструкцией. (См.: [Самодержавное царство 2004]).

«Россия», безусловно, имеет греческое происхождение. Именно его («Росия» – с одной «с») использовали для именования Русской митрополии, основанной в конце X в. [Клосс 2012, с. 16; Соловьев 1957, с. 134–155]. И дальнейшее его распространение связано именно с церковными кругами, это позволяет предположить, что усиление трансфера «российского» в отечественный интеллектуальный дискурс XVII в. также связано с их деятельностью.

В этом плане показательным обращением к некоторым источникам этого периода. Так «Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», написанная по итогам Земского собора 1613 г. и ставшая одним из первых «официальных» документов эпохи, заключает в себе следующий интересный факт: понятие «*Русская земля*» встречается в ней всего лишь 10 раз, а вот понятие «*Российское царство*» в тексте грамоты приводится 68 раз, а понятие «*Российское государство*» – 27 раз [Перевезенцев 2021, с. 256].

В подобном духе выдержан и другой интересный источник – «Повесть книги сея от прежних лет» И.М. Катырева-Ростовского. В «Повести» фиксируется активное употребление словосочетаний «*Российское царство*» (7 раз), «*Российское государство*» (6 раз), «*Московское царство*» (6 раз), «*Московское государство*» (5 раз), которые сливаются в едином смысловом нарративе – Москва как богоизбранный город становится синонимом всей российской государственности: «Царство Московское, его же именуют от давних век Великая Росия...» [Повесть 2017, с. 655]. При этом, как отмечается в недавнем исследовании, «стоит также обратить внимание на специфическое разделение в этом памятнике в употреблении слов “Русия” и “Росия”. Первая, архаичная форма сохраняется только в титулах ... “Росия” же становится универсальным политико-географическим понятием с определенным патетическим наполнением» [Перевезенцев 2021, с. 257].

Одно из объяснений указанных тенденций видится в том, что «идеал-образ» «Вселенского православного царства» – это, на наш взгляд, своего рода имперская идея [см. напр.: Скрипкина 2012, с. 12–15]. Как, например, считает Б.А. Успенский, Алексей Михайлович стремился к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу все православные народы [Успенский 1996, с. 123–124]. В свою очередь, другой отечественный исследователь, С. Фагизов, высказывает схожую мысль, но несколько в другом ключе: «Идеи довизантийской древности Русского христианского государства, его права на византийское наследство, разделяемого с существующей греческой церковью – современным воплощением «Греческого царства», – ключевые для понимания сакральной основы внешней политики Москвы в третьей четверти XVII в.» [Фагизов 2004, с. 145–148].

Отталкиваясь от этих тезисов, можно предположить, что и известная церковная реформа, проводившаяся Патриархом Никоном, вполне укладывалась

в эту общую канву трансформации самоощущения российского государства, но, и что особенно важно в контексте нашего исследования, языка власти и способов «описания» себя. Ориентация на греческое («вселенское») православие выделось вполне обоснованным способом не только легитимации новой династии, но нового позиционирования России на международной арене [Чеснокова 2008, с. 158–161; Перевезенцев 2023, с. 580]. В это же время меняется не только язык, но и визуальные образы власти, усиливается обращение к византийским образцам царской репрезентации, что соответствовало новому представлению о месте России в православном мире [Чеснокова 2008, с. 159; Скрипкина 2012, с. 13; Юрганов 1998, с. 350–351]. Своего рода кульминацией духовно-политической трансформации московского государства стало проведение Большого московского собора (1666–1667 гг.), где Алексей Михайлович именуется «самодержцем» и «Новым Константином» [Чеснокова 2008, с. 161; Pisis 2025, p. 97–119].

В дальнейшем, при сыне Алексея Михайловича, Петре Алексеевича, идея империи продолжит свое существование, трансформировавшись в соответствии со светскими образцами, где на смену традиционным религиозным нарративам, приходят ценностные категории – «Отечества» и «пользы Отечества» как рационалистической трансформации традиционного православного представления о России как стране обитания и сосредоточения Божией благодати [Русские ценности 2024, с. 227].

Показательно, что словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует «российский/росийский/росейский» как синонимичное слову «русский», а «россиянин» – как обозначение жителя России не ранее середины XVII в. [Словарь 1997, с. 218]. Как отмечал О.Н. Трубачев, понятие «российский» долго не было характерно для живого среднего стиля и первоначально закреплялось прежде всего в высоком, «царском» словоупотреблении [Трубачев 2005, с. 230–231]. В 1721 г. Сенат подносит Петру классический титул «Отца отечества и Императора Всероссийского, Великого». Новое краткое выражение «всероссийский» заменило слишком сложное «всёя Великия и Малыя и Белья России» [Горский 1862, с. 136–137]. Первое официальное именование «Российская империя» в петровском законодательстве, впрочем, появится лишь в 1723 г. в инструкции киевскому таможенному поручику Залесскому: «Ежели какие купецкие ж и прочие люди из-за границы поедут в Российскую империю: и оных потому ж осматривать» [Полное собрание законов 1830, с. 31].

Показательна специфика дальнейшего сосуществования категорий *российский* и *русский* в отечественном интеллектуальном дискурсе. Так, в XVIII в. на фоне распространения и адаптации идей западноевропейского Просвещения «избыточное» функционально и семантически прилагательное *российский* стало маркировать так называемый «высокий стиль». Если А.Д. Кантемир еще в 1743 г. пишет «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов *русских*», то, например, М.В. Ломоносов уже в 1739 г. публикует «Письмо

о правилах *Российского* стихотворства», а в 1755 г. составляет «*Российскую* грамматику».

Потребность в самоощущении равнозначности в семье европейских держав отражалась в распространении высокопарного варианта самоназвания. Об этом можно судить на примере пьесы Ф. Жуковского «Слава Российская», написанной в 1724 г. по поводу коронации супруги Петра I, будущей Екатерины I, «Истории Российской» В.Н. Татищева³, знаменитой «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М.В. Ломоносова, «Опыте исторического словаря о российских писателях» просветителя Н.И. Новикова и т.д.

Как отмечает О.Б. Неменский: «Барочная культура побуждала к возвышенному слогу, и (особенно в XVIII в.) в области литературы и официальных документов слово «россияне» вошло в активное употребление, достигнув пика своей популярности в первую треть XIX столетия» [Неменский 2014, с. 74]. Вершиной этого направления в русской литературе следует признать национальную эпическую поэму «русского Гомера» М.М. Хераскова «Россиада» (1771–1778 гг.).

Несмотря на разницу контекстов употребления, полное тождество понятий *русский* и *российский* начинает нарушаться только в XIX в. Это связано с распространением идей сентиментализма и романтизма, стремлением приблизиться к народным темам. В этом отношении начинает проявляться в некоторой степени антитеза «русского народа» и «Российского государства». Как отмечают исследователи, любопытно колебание между народными и классическими формами в первом издании «Слова о полку Игореве» в 1800 г.: в предисловии сказано еще «Россияне» и «Российские полки», но в переводе текста сохранены древние выражения «Русская земля, Русския жены» [Соловьев 1957, с. 153–154].

В XIX–XX вв., как справедливо отмечает А.В. Теленков, «в бытовых ситуациях этноним «*русские*» почти не звучит ... Имя русское звучало из уст официальных лиц в XIX – начале XX в., особенно в дни тяжелых испытаний, однако повседневная жизнь в этом отношении мало менялась. Далее, советский период истории вообще был отмечен в определенном смысле слова гонением на этноним русские. Его всячески пытались заменить наименованием *советский* народ, оставив русскому имени лишь фольклорный и этнографический удел» [Теленков 2008, с. 330]. Именно в советский период закладывается основа будущего противопоставления *русский-российский* и парадоксального обострения национального вопроса, вопреки провозглашенному интернацио-

3. Примечательно, что, как указывает А.В. Соловьев, «он назвал свой труд «Русская История», но ее издали лишь после кончины автора, и издатель, академик Г.Ф. Миллер, озаглавил ее «История Российская»» [Соловьев 1957, с. 152].

нализму. Осмыслению этого явления, например, посвящены работы И.Р. Шафаревича [Шафаревич 1974, с. 101–102].

Подводя общий итог исследованию появления категории *российский* и главное – времени и причинам ее расхождения с категорией *русский*, нужно отметить, что несмотря на длительную историю существования обеих, наибольшее распространение в древнерусской традиции имела категория *русский*. Начиная с XVI в. и вплоть до XIX в. *русский* и *российский* были почти полными синонимами, различаясь лишь контекстами употребления (и то не строго). Определенный перелом в соотношении указанных категорий начинает фиксироваться в XVI в., а усиливается в XVII в., что может объясняться трансформацией самоощущения российского государства, языка и визуальных образов власти, связанных с формированием протоимперского нарратива и «идеал-образа» «Вселенского православного царства». Лишь к началу XIX в. начинает наблюдаться некоторая семантическая «специализация» категорий – *русский* чаще характеризует «народное» измерение понятия, *российский* – маркирует официально-государственный дискурс. При этом о реальном противопоставлении этих понятий речи не идет, они продолжают использоваться одновременно. Противоречие между ними (как нам представляется, искусственное) возникает лишь в конце XX в. вместе с дискуссией о сущности гражданственности, национальности, идентичности [Васильев 2020, с. 152–160]. Как было отмечено в начале статьи, эта дискуссия сразу приобрела идеологический характер, и в большей степени характеризует современное состояние общественного дискурса, нежели направлена на исследование реального исторического контекста.

Впрочем, стоит оговориться, что проблематику Россия-Русь нельзя свести лишь к идеологическому инструментарию современных полемистов. Так, совершенно в иной – историософской, а не гражданско-этнической плоскости рассматривал этот вопрос, например, С.Н. Дурылин. В своем творчестве за *русским* и *российским* он видел разные мировоззренческие аспекты бытия Руси-России, отмечая, что «из-за России мы часто не видим Руси, но оттого мы не видим по-настоящему и России» [Дурылин 2000, с. 295–296], полагая в сущностном объединении России и Руси главное предназначение и смысл существования русского народа [Сорокопудова 2024, с. 164–176]. Однако это, безусловно, тема отдельного исследования.

Библиография

- Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2006. 637 с.
 Болдин В.А., Страхов А.Б. Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII века // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 182–191.
 Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский – российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. №1 (51). С. 152–160.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Моск. Синод. Библиотеки, отд. 2, (Прибавление). М.: Синодальная тип., 1862. (рукопись № 235, л. 163, 179, 197, 205 и 107, 173). 844 с.

Грищенко А.И. К новейшей истории слова «россияне» // Русский язык в научном освещении. № 1 (23). 2012. С. 119–139.

Дурылин С.Н. Начальник тишины // Дурылин С.Н. Русь прикровенная. М.: Паломникъ, 2000. 333 с.

Илларион, митр. Слово о Законе и Благодати // Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, А.С. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011. 727 с.

История русской литературы. Л.: Наука, 1980. Т. 1. 817 с.

Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 151 с.

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 678 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/compare/panchron/chart/freq?ids=5de5e054554cf7c32210380ccb6d6a055&ids=63d4d5fabb5238efe32f78c1bdd1450c> (дата обращения: 16.03.2026).

Неменский О.Б. Игры с русским именем // Вопросы национализма. 2014. №4 (20). С. 72–82.

Нечволодов А. Сказания о Русской земле, ч. IV. СПб.: Гос. тип., 1913. 639 с.

Опарина Т. «Промыслить Царьград»: Как русское правительство отказалось от завоевания Константинополя // Родина. 2006. № 11. С. 36–40.

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. 2-е изд., испр., доп. М.: Квадрига, 2023. 784 с.

Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. Государствуем от великаго Рюрика...: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса Русская земля – Российское государство – Российское царство // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 245–262.

Повесть князя Катярева-Ростовского в первой редакции // Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. 863 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VII. 1723–1727 гг. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 925 с.

Русская историческая библиотека. Ч. 1. Памятники древнерусского канонического права (XI–XV вв.). СПб., 1880. Т. 6. 930 с.

Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М.: Квадрига, 2024. 719 с.

Самодержавное царство первых Романовых / Сост., авт. вст. ст., комм. Г.В. Талина, под. ред. С.В. Перевезенцева. М.: Соц.-полит. Мысль, 2004. 327 с.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

Скрипкина Е.В. «Царь Алексей Михайлович» – «Новый Константин»: Византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в. // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). Общество. История. Современность. С. 12–15.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1997. Вып. 22. 297 с.

Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. XII (37). С. 134–155.

Сорокопудова О.Е., Тальская О.Д. «Из-за России мы часто не видим Руси...» Россия и русское национальное сознание в религиозно-философском творчестве С.Н. Дурьилина // Диалог со временем. 2024. № 88. С. 164–176.

Теленков А.В. О соотношении наименований русские и россияне: история, современность и перспективы // Антиномии. 2008. № 8. С. 326–340.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 285 с.

Успенский Б.А. Царь и Бог // Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.

Фагизов С. Пробуждение империи в царствование Алексея Михайловича // Украина и соседние государства в XVII веке: Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 145–148.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVII в. М.: Индрик, 2003. 512 с.

Чеснокова Н.П. Идея византийского наследия в России середины XVII в.: образы и символы // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН, 2008. С.158–161.

Шафаревич И.Р. Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР) // Из-под глыб. Сб. ст. Париж: ИМКА-Пресс, 1974. 283 с.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Мирос, 1998. 448 с.

Pisis N. «Some Minor Words»: The Debate on Symphonia at the Moscow Church Council of 1666/67 // RussianStudiesHu. 2025. Vol. 7. № 1. P. 97–119.

References

Andreev I.L. Aleksej Mihajlovich [Alexei Mikhailovich]. Moscow: Molodaja gvardija, 2006. 637 p. (In Russ.)

Boldin V.A., Strakhov A.B. Nacional’noe vs obshheslavjanskoe v russkikh istochnikah XVII veka [The national vs. the pan-Slavic in Russian sources of the 17th century]. Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2020. N 71. P. 182–191. (In Russ.)

Chesnokova N.P. Ideja vizantijskogo nasledija v Rossii serediny XVII v.: obrazy i simvolj [The idea of Byzantine heritage in Russia in the middle of the 17th century: Images and symbols]. In: Rus’ i Vizantija: Mesto stran vizantijskogo kruga vo vzaimootnoshenijah Vostoka i Zapada. Tezisy dokladov XVIII Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov [Rus’ and Byzantium: The Place of the Countries of the Byzantine Circle in the Relations between East and West. Abstracts of the 18th All-Russian Scholarly Session of Byzantine Studies]. Moscow: IVI RAN, 2008. P. 158–161. (In Russ.)

Durylin S.N. Nachal’nik tishiny [Chief of Silence]. In: Durylin S.N. Rus’ prikovennaja [Veiled Rus’]. Moscow: Palomnik, 2000. 333 p. (In Russ.)

Fonkich B.L. Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVII v. [Greek Manuscripts and Documents in Russia in the 14th – Early 17th Century]. Moscow: Indrik, 2003. 512 p. (In Russ.)

Gorskij A.V., Nevostruev K.I. Opisanie slavjanskikh rukopisej Mosk. Sinod. Biblioteki, otd. 2 (Pribavlenie) [Description of Slavic manuscripts of the Moscow Synodal Library, section 2 (Supplement)]. Moscow: Sinodal’naja tip., 1862. 844 p. (In Russ.)

Grishhenko A.I. K novejshej istorii slova “rossijane” [Toward the recent history of the word “rossijane”]. Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii [Russian Language in Scholarly Illumination]. 2012. N 1(23). P. 119–139. (In Russ.)

Illarion, mitr. Slovo o Zakone i Blagodati [Sermon on Law and Grace]. In: Russkaja social'no-politicheskaja mysl'. XI–XVII vv. Hrestomatija [Russian Socio-Political Thought. 11th–17th Centuries. Reader]. Comp. S.V. Perevezencev; text prep. by S.V. Perevezencev, G.V. Talina, D.V. Ermashov, A.S. Ermolina, V.S. Zubova; ed. by A.A. Shirinjan, S.V. Perevezencev. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 727 p. (In Russ.)

Istorija russkoj literatury [History of Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1980. Vol. 1. 817 p. (In Russ.)

Jurganov A.L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: Miros, 1998. 448 p. (In Russ.)

Kloss B.M. O proisshozhdenii nazvaniya “Rossija” [On the origin of the name “Rossija”]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2012. 151 p. (In Russ.)

Lieven D. Rossijskaja imperija i ee vragi s XVI veka do nashih dnei [The Russian Empire and Its Enemies from the 16th Century to the Present Day]. Moscow: Evropa, 2007. 678 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://rus-corpora.ru/compare/panchron/chart/freq?ids=5de5e054554cf7c32210380ccbd6a055&ids=63d4d5fab-b5238efe32f78c1bdd1450c> (date of access: 16.03.2026). (In Russ.)

Nechvolodov A. Skazaniya o Russkoj zemle. Part IV [Legends of the Russian Land. Part IV]. St. Petersburg: Gos. tip., 1913. 639 p. (In Russ.)

Nemenskij O.B. Igry s russkim imenem [Games with the Russian Name]. Voprosy nacionalizma [Questions of Nationalism]. 2014. N 4(20). P. 72–82. (In Russ.)

Oparina T. “Promyslit' Car'grad”: Kak russkoe pravitel'stvo otkazalos' ot zavoevaniya Konstantinopolja [“To devise Tsargrad”: How the Russian government renounced the conquest of Constantinople]. Rodina [Motherland]. 2006. N 11. P. 36–40. (In Russ.)

Perevezencev S.V. Russkie smysly: Duhovno-politicheskie uchenija Rossii X–XVII vv. v ih istoricheskom razvitii [Russian Meanings: The Spiritual and Political Doctrines of Russia from the 10th to the 17th Centuries in Their Historical Development]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Kvadriga, 2023. 784 p. (In Russ.)

Perevezencev S.V., Sorokopudova O.E., Strahov A.B., Shakirova A.A. Gosudarstvuem ot velikago Rjurika...: K voprosu o formirovanii edinogo duhovno-politicheskogo aksiologicheskogo kompleksa Russkaja zemlja – Rossijskoe gosudarstvo – Rossijskoe carstvo [“We Reign from the Great Rurik...”: On the formation of a unified spiritual-political axiological complex “Russian Land – Russian State – Russian Tsardom”]. Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]. 2021. N 3. P. 245–262. (In Russ.)

Pisis N. “Some Minor Words”: The Debate on Symphonia at the Moscow Church Council of 1666/67. RussianStudiesHu. 2025. Vol. 7. N 1. P. 97–119.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. Vol. VII. 1723–1727 gg. [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First Collection. Vol. VII. 1723–1727]. St. Petersburg: Tipografija Vtorogo otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1830. 925 p. (In Russ.)

Povest' knjazja Katyreva-Rostovskogo v pervoj redakcii [The Tale of Prince Katyrev-Rostovsky in the first redaction]. In: Smuta nachala XVII veka v sochinenijah sovremennikov [The Time of Troubles of the Early 17th Century in the Writings of Contemporaries]. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 863 p. (In Russ.)

Russkaja istoricheskaja biblioteka. Part 1. Pamjatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (XI–XV v.). Vol. 6 [Russian Historical Library. Part 1. Monuments of Old Russian Canon Law (11th–15th Centuries). Vol. 6. St. Petersburg, 1880. 930 p. (In Russ.)

Russkie tsennosti: Tradicionnye smysly i ih otrazhenie v soznanii sovremennoj molodezhi: Kollektivnaja monografija [Russian Values: Traditional Meanings and Their Reflection in the Consciousness of Contemporary Youth: Collective Monograph]. Ed. by S.V. Perevezencev, A.V. Selezneva. Moscow: Kvadriga, 2024. 719 p. (In Russ.)

Samoderzhavnoe carstvo pervyh Romanovyh [The Autocratic Tsardom of the First Romanovs]. Comp., introd. article and comment. by G.V. Talina; ed. by S.V. Perevezencev. Moscow: Soc.-polit. Mysl', 2004. 327 p. (In Russ.)

Shafarevich I.R. Obosoblenie ili sblizhenie? (Nacional'nyj vopros v SSSR) [Separation or rapprochement? (The National Question in the USSR)]. In: Iz-pod glyb. Sb. st. [From under the Rubble. Collection of Articles]. Paris: IMKA-Press, 1974. (In Russ.)

Sinicya N.V. Tretij Rim. Istoki i jevoljucija russkoj srednevekovoj koncepcii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th Centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 416 p. (In Russ.)

Skripkina E.V. “Car’ Aleksej Mihajlovich” – “Novyj Konstantin”: Vizantijskij obrazec vlasti v russkoj praktike tret’ej chetverti XVII v. [“Tsar Aleksei Mikhailovich” – “The New Constantine”: The Byzantine model of power in Russian practice in the third quarter of the 17th century]. Omskij nauchnyj vestnik. Obshchestvo. Istorija. Sovremennost’ [Omsk Scientific Bulletin. Society. History. Modernity]. 2012. N 1(105). P. 12–15. (In Russ.)

Slovar’ russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. AN SSSR, In-t rus. jaz.; editorial board: S.G. Barhudarov (ed.) et al. Moscow: Nauka, 1997. Issue 22. 297 p. (In Russ.)

Solov’ev A.V. Vizantijskoe imja Rossii [The Byzantine Name of Russia]. Vizantijskij vremennik [Byzantine Chronicle]. 1957. Vol. XII. P. 134–155 (In Russ.)

Sorokopudova O.E., Tal’skaja O.D. “Iz-za Rossii my chasto ne vidim Rusi...” Rossija i russkoe nacional’noe soznanie v religiozno-filosofskom tvorčestve S.N. Durylina [“Because of Russia We Often Fail to See Rus’...” Russia and Russian national consciousness in the religious-philosophical works of S.N. Durylin]. Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2024. N 88. P. 164–176. (In Russ.)

Telenkov A.V. O sootnoshenii naimenovanij russkie i rossijane: istorija, sovremennost’ i perspektivy [On the correlation of the designations russkie and rossijane: history, modernity and prospects]. Antinomii [Antinomies]. 2008. N 8. P. 326–340. (In Russ.)

Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In Search of Unity: A Philologist’s View of the Problem of the Origins of Rus’]. 3rd ed., enl. Moscow: Nauka, 2005. 285 p. (In Russ.)

Uspenskij B.A. Car’ i Bog [Tsar and God]. In: Izbrannye trudy. Vol. I. Semiotika istorii. Semiotika kul’tury [Selected Works. Vol. I. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul’tury”, 1996. 608 p. (In Russ.)

Fagizov S. Probuzhdenie imperii v carstvovanie Alekseja Mihajlovicha [The Awakening of Empire during the Reign of Aleksei Mikhailovich]. In: Ukraina i sosednie gosudarstva v XVII veke. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Ukraine and Neighboring States in the 17th Century. Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, 2004. P. 145–148. (In Russ.)

Vasil’ev A.D., Vasil’eva S.P. Russkij – rossijskij? Vopros identifikacii i samoidentifikacii [Russian or Rossiian? The question of identification and self-identification]. Vestnik KGPU im. V.P. Astaf’eva [Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev]. 2020. N 1(51). P. 152–160. (In Russ.)